Эрика, оттолкнувшись спиной от стены, направляется ко мне. Я вздрагиваю и (наконец-то, дурак нерешительный!) начинаю совершать судорожные попытки принять мало-мальски более пристойное положение тела в пространстве, однако меня тут же останавливает гневный окрик. — Не смей — кричит моя сестрёнка, будто надзирательница в концлагере на тех фильмах, что нам показывали в коллежде, — оставь свои грязные руки там, где и были, иначе я засуну тебе их по локоть в задницу! Я немедленно повинуюсь, сам не понимая, откуда взялась подобная покорность в ситуации требующей вообще-то, совсем иного поведения. Всё-таки поймите меня правильно, фантазировать о власти женщины над тобой это одно, а выполнять приказ своей старшей сестры на самом деле, это совсем другое. Мне бы сорваться с места, на ходу сорвать с себя злополучную одежду и закрыться в своей комнате. И пусть потом Эрика доказывает матери, что произошедшее не её собственная, чтобы-насолить-брату, выдумка. Тем не менее, зная крутой нрав Эрики и её физическую силу, я предпочёл за благо не ослушиваться приказа и немедленно водрузить правую руку на опавший от страха член, который полностью скрылся в кулаке, будто страшась собственного убожества, а средний палец левой руки затолкнуть поглубже в дырочку заднего прохода. Эрика возвышается надо мной, как всевластная богиня, застёгнутая на все пуговицы своего высокомерия. Она — мой ангел мщения, спустившийся с небес покарать зарвавшегося грешника, посмевшего осквернить своим телом её гнёздышко. Лилейные крылья превратились в белоснежную блузку, слепящую меня неземной чистотой. На её лебединой шейке чудесный бантик, стягивающий застегнутый на последнюю пуговку воротничок. Складочки юбки, как всегда безупречно выглаженной, и белые гольфы, облегающие точеные икры сводят меня с ума. Мой рот мгновенно заполняется слюной.

Я не могу отвести взгляда от строгости линий. Я не могу понять, как обычная одежда может оказывать на меня столь сильное воздействие, лишая сил и заставляя подгибаться колени. Но в том то и дело, что на Эрике всё смотрится восхитительно. Она придаёт вещам какую-то адскую притягательность, наполняя по сути просто хорошо скроенные куски материи дьявольским очарованием. Кажется, одень она рваную робу и все бы восприняли это за новый тренд. Каждая складочка на блузке была будто выведена художником для шедевра всей его жизни, а не появлялась просто так, от любого движения изящной ручки. Мне стало как-то безразлично, что я лежу в её униформе с пальцем в заднице, лишь бы рассматривать её подольше. И, похоже, Эрика тоже была не прочь наслаждаться зрелищем моего убожества, потому что несколько минут мы провели в молчании, каждый любуясь другим. И кто знает, какие мысли пронеслись в наших головах за это время! Но, в конце концов, моя сестра во второй раз нарушает молчание: — Ай-яй-яй, как нехорошо брать без разрешения чужие вещи! — качает она белокурой головкой, — тем более вещи своей старшей сестры! Как непорядочно! — продолжает издеваться она, — А уж онанировать в них! Это просто возмутительно! Плохой, плохой мальчик! Совсем отбился от рук. К счастью для тебя, милый мой братец, так уж вышло, что я прекрасно знаю, что нужно делать с плохими мальчиками. Их надо как следует наказывать. Подумать только, онанировать в моей новой униформе! Да ты хоть представляешь, сколько я промучилась в салоне этой старой перечницы фрау Остерманн, пока мне её пригоняли? Всё её проклятый перфекционизм! Чёртова маразматичка часами тыкала в меня своими дурацкими булавками! На мне живого места не осталось! А всё для того, чтобы форма была как вторая кожа.

Эрика прошамкала последнюю фразу, пародируя шепелявость престарелой портнихи. В другом месте и в другой ситуации я бы даже нашёл это забавным. Сейчас же, моё лицо было каменным. — Да я бы и первую с радостью отдала, только бы поскорее смыться из её костлявых пальцев. А теперь оказывается, что я страдала напрасно! И что прикажешь сказать маме? Ой, мамочка, прости, конечно, форма просто великолепна, выше всяких похвал, да-да, мы же не какие-нибудь второсортные плебеи, чтобы одеваться в магазинах ширпотреба, угу-

угу, точно, сидит как влитая, у фрау Остерманн руки ведь золотые, как ты и говоришь, святая правда. Но, я её всё равно не надену. Почему? Нууу, наверное, потому, что мой маленький братец оказался, как бы это помягче сказать, двинутым на фетишизме извращенцем, и ох, прости-прости, не могу даже и сказать, что он там в ней вытворял. Боюсь, как бы тебе дурно не стало. Твой ведь сыночек. Да уж, представь каким ударом для мамы станет такая новость.

— Эрика, я… — предпринимаю я робкую попытку объясниться. Как бы нелепо это не выглядело в моём положении, это всё же лучше, чем молча краснеть под её испепеляющим взглядом.

— Заткнись! — резко обрывает меня Эрика, — если я захочу услышать что-нибудь из твоего поганого рта, я ПРИКАЖУ тебе его открыть. Ты всё понял? Я опешил от такого явно доминантного обращения, но нашёл в себе силы кивнуть.

— Вот и славно, — удовлетворенно хлопает в ладоши моя нежеланная повелительница, — что, предчувствие мне подсказывает, что нам с тобой предстоит провести весёленькое время вместе. Но прежде, чем я начну с тобой развлекаться, позволь мне отлучиться ненадолго и приготовить всё необходимое для нашей маленькой экзекуции. Так что, мой маленький развратный братишка, ты пока полежи тут, посмакуй, как сладко обтягивает тебя униформа и помечтай какую-нибудь из своих грязных мыслишек. Уверена у тебя их полно, так что не соскучишься, а я вернусь через секунду.

http://tl.rulate.ru/book/890/20316